

УДК 801.7

DOI 10.52433/01316761_2021_5_61

Своеобразие функционирования русского языка в условиях становления информационного права

Галина Николаевна Трофимова

Российский университет дружбы народов,
профессор кафедры массовых коммуникаций,
доктор филологических наук,
профессор
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье выявляются наиболее значимые процессы в русскоязычной цифровой медиакommunikации, происходящие в условиях и под воздействием развития информационных технологий. Автор систематизирует и обобщает новые языковые явления, сопровождающие становление информационного права в цифровом медиaprостранстве современной России, определяет степень глубины преобразований, происходящих в русском языке под влиянием Интернета, намечает наиболее актуальные и проблемные моменты речевого узуса, отражающие специфику функционирования русского языка в условиях цифровизации, в том числе с учетом нарастающей радикализации в обществе, ведущей к нарушениям информационной безопасности (прежде всего — в лингвистическом аспекте), информационным войнам, а также к проявлениям речевой агрессии и лингвистического экстремизма.

Ключевые слова: русский язык, речь, информационное право, Интернет, цифровизация

The peculiarity of the functioning of the Russian language in the conditions of the formation of information law

Galina Nikolaevna Trofimova

Peoples' Friendship University of Russia,
Professor of the Department of Mass Communications,
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Moscow, Russia

Abstract. The article identifies the most significant processes in the Russian-language digital media communication that occur under the conditions and

under the influence of the development of information technologies. The author systematises and summarises new linguistic phenomena accompanying the formation of information law in the digital media space of modern Russia, determines the degree of depth of transformations taking place in the Russian language influenced by the Internet, outlines the most relevant and problematic aspects of the speech *uzus*, reflecting the specifics of the functioning of the Russian language in the context of digitalisation, including taking into account the growing radicalisation in society leading to violations of information security (primarily in the linguistic aspect), information wars, and also to manifestations of speech aggression and linguistic extremism.

Keywords: Russian, speech, information law, Internet, digitalisation

Сегодня тема русского языка получила новые акценты: внимание исследователей, в частности, приковано к проблемам лингвистической безопасности, смыслопередачи, перехода информации в знание, а также к лингвистической стороне информационных войн и защиты права на информацию.

Освоение интернет-пространства изменило отношение к понятию информации и к обращению с ней, что юридически оформилось в отрасль информационного права. И определяющим фактором реализации соответствующего права на информацию становится именно лингвистический аспект, а нарушения этого права оказываются связаны с нарушениями прав на получение, предоставление и передачу достоверной информации, а также на ее сохранение в тексте.

Проблемы функционирования русского языка в сетевом медиaprостранстве разнообразны и многолики. Современным особенностям медиатекстов уделяет особое внимание Т.Г. Добросклонская, по мнению которой «даже поверхностное сравнение новостных и аналитических текстов из разных медиаисточников вызывает ощущение того, что каждый текст имеет свое особое звучание, тональность которого обусловлена многими факторами»¹. Ее идеям созвучны исследования журналистской практики создания медиатекстов Т. ван Дейка, в которых он утверждает, что «структуры медиатекстов могут быть адекватно поняты только в одном случае: если мы будем ана-

¹ Добросклонская Т.Г. Методы анализа видео-вербальных текстов // // Медиалингвистика. 2016. № 2. С. 13–25 // <https://medialing.ru/metody-analiza-video-verbalnyh-tekstov/>

лизировать их как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений, как результат интерпретации текстов читателями газет и телезрителями, производимой на основе опыта их общения со средствами массовой информации»². Функционированию русского языка и проявлениям речевой агрессии и лингвистического экстремизма в онлайн-коммуникации посвящена также монография «Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакommunikации)»³, написанная автором настоящей статьи совместно с В.В. Барабашем. Н.Д. Голев и Т.Г. Чернышева рассматривают существенные аспекты взаимодействия языка и права⁴. Наконец, информацию как объект глобального правового регулирования исследуют И.А. Умнова⁵ и В.А. Копылов⁶. Последний понимает под информационным правом «систему социальных норм и отношений, охраняемых государством, возникающих в информационной сфере — сфере производства, преобразования и потребления информации».

Качество информации зависит от ее эффективности, продуктивности, результативности, а равно от языковых средств, избираемых автором информационного сообщения для оформления смыслов, сути этого сообщения. Интернет-технологии открыли перед недобросовестными производителями информации возможность создавать лживые информационные сообщения, получившие название «фейк-ньюс»

² *Dijk T. van.* Ideology: multidisciplinary approach. London, 1998.

³ М., 2020.

⁴ См.: Юрислингвистика-9: истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. Кемерово; Барнаул, 2008 // <https://cyberleninka.ru/article/n/yurisljngvistika-9-istina-v-yazyke-i-prave-mezhvuzovskiy-sbornik-nauchnyh-trudov-pod-red-n-d-goleva-rets-v-g-naumova/viewer>

⁵ *Умнова (Копохова) И.А.* Информационное право как отрасль права нового поколения: ответ на технократизацию // Государство и право в новой информационной реальности: сборник научных трудов / отв. ред. Е.В. Алферова, Д.А. Ловцов. М., 2018 // <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-pravo-kak-otrasl-prava-novogo-pokoleniya-otvet-na-tehnokratizatsiyu>

⁶ *Копылов В.А.* О теоретических проблемах становления информационного права // Информационные ресурсы России. 1998. № 3. С. 15—21.

и ставшие популярным инструментом информационных противостояний и даже войн в медийном онлайн-пространстве. В ответ на это сетевая коммуникативная среда породила явление фактчекинга, которое также не представлялось возможным до цифровой (компьютерной) автоматизации проверки достоверности передаваемых сведений.

Другим негативным следствием интернет-эпохи в России стал сформировавшийся в русскоязычной веб-коммуникации и перешедший в обиходно-бытовую речь упрощенный (часто до примитивности) интернет-сленг, отягощенный проявлениями речевой агрессии. Например: «Что вы хотите мне сказать? Права мне качнуть? Я тоже вам сейчас могу качнуть»⁷.

Информационное сообщение можно сравнить с бумерангом, брошенным в гущу многомиллионной интернет-аудитории. Такой сетевой бумеранг собирает на своем пути массу реакций и возвращается к его отправителю, обремененный синергетическим откликом пользователей Интернета. При этом можно сказать, что русский язык, с одной стороны, уже приспособился к специфике сетевой коммуникации требованиям онлайн-аудитории, а с другой стороны, выработал ориентированные на пользователей Всемирной паутины правила обращения с ним в Интернете. Так, эффективность онлайн-коммуникации в большой степени зависит от уровня владения языком и стилем, с помощью которых создается мегатекстовое цифровое медиапространство, тем более что в цифровом общении русский язык оказывается единственным средством упорядочения окружающей действительности.

Функционирование русского языка в Интернете во многом обусловлено психолингвистическими особенностями участников коммуникации, которые переносят на свои письменные тексты личностную манеру спонтанного устного обиходно-бытового общения. Иначе говоря, в Сети фор-

⁷ «Хотите права мне качнуть?»: губернатор Усс — жителям подтопленного Канска // ИА «Регнум». 2 июля 2019 г. // https://regnum.ru/news/2657963.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

мируется комплексная языковая личность как многокомпонентная система, организованная с учетом сфер, тем и ситуаций, в рамках которых происходит общение. Однако если еще совсем недавно мы наблюдали раскрепощение личности в Интернете, снятие психологических барьеров, то сегодня акцент смещается на процесс создания коллективных медиатекстов, происходит ужесточение требований к речевому поведению и ограничение языковых средств в связи с внедрением искусственного интеллекта в производство и функционирование цифровой текстосферы.

Информационные нагрузки на человека продолжают расти, поэтому, во-первых, появились попытки переложить часть работы по генерированию информации на робота, а во-вторых, возникла проблема систематизации огромного информационного массива с целью не только создавать информацию, но и эффективно пользоваться ею как знанием. Между тем далеко не вся информация может перерасти в знание. Как известно, Интернет спровоцировал информационный взрыв и снижение значимости доступной его пользователям информации. Мы видим, как сегментируется массовая интернет-аудитория, разделяясь на «информационные социальные локусы» или «информационные деревни». Возникают небольшие горизонтальные интернет-общины со своими речевыми предпочтениями. Такое дробление может дойти до своего максимального предела и, по сути, сформировать потребность в индивидуальном контенте — сегодня на эту потребность уже ориентирована контекстная интернет-реклама. Человеку предлагают выбирать свое окружение, сферу существования, и такая возможность виртуального бытия оказывается для него весьма привлекательной. При этом заложенный в формирование контекстной рекламы алгоритм как бы говорит: «Я лучше знаю, что тебе надо». В настоящий момент сетевое текстовое пространство постепенно наполняется высказываниями, созданными искусственным интеллектом, который начинает диктовать выбор языковых средств. Это отражается на содержании передаваемых со-

общений, так как автоматизированная форма обладает своей спецификой⁸.

Специфика автоматизированной формы составления информационного сообщения заключается в унифицированной синтаксической конструкции с прямым порядком слов (подлежащее — сказуемое — второстепенные члены предложения) и тема-рематическим членением, в отсутствии образных средств выразительности и оценочно-экспрессивных характеристик.

Языковая интернет-личность реализовала свое стремление быть публичной, оставаясь в то же время анонимной. Но если десять лет назад детерминантой речевой самореализации в Сети был игровой импровизационный стиль, то сегодня он сменился агрессией, хамством, стремлением разжечь так называемый холивар. Виртуальность провоцирует человека проявлять скрытые черты его личности, которые в реальной жизни сдерживаются целым комплексом условностей и норм. Освобождение от последних происходит именно в речевой сфере, так как сам человек существует в Интернете прежде всего в языковой форме. Иными словами, в настоящий момент Интернет в большей степени потакает несдержанности, что сопровождается и речевыми эксцессами. В свою очередь, свобода выбора языковых средств при создании текста оказалась нереализованной и ограничилась клишированными стандартными фразами, в которых нет места образности речи. Так, из всей богатейшей палитры стилистических средств художественной выразительности в речи сетевой языковой личности сохранилась только ирония, кое-где с добавлением сарказма. Язык используется в целях подавления и унижения конкурентов, вербального нападения на потенциального противника, утверждения непререкаемости своей позиции и т.д. Распространяются языковая вульгарность, использование табуированных слов, стилевая неразборчивость как протест против патетики прошлых времен, наблюдаются стилевая глухота и утрата чувства языка. Веб-коммуниканты — блогеры, пользователи соцсетей и др. — принадлежат к

⁸ См., например: Минюст предложил лишить Пашаева адвокатского статуса // РИА Новости. 10 сентября 2020 г. // <https://ria.ru/20200910/pashaev-1577059610.html>

самым разным социальным и политическим кругам, но, как правило, все они объединены схожими целями и задачами: утвердить себя, убедить в своем мнении окружающих и негативно характеризовать несогласных⁹.

По-новому трактуются и такие важные свойства текста, как связность, цельность и завершенность. Виртуальный гипертекст — а именно он отражает наиболее существенные сдвиги в текстостроении — реализует эти качества иначе, чем в традиционном формате.

Связность предполагает внутреннюю взаимосвязь между гиперссылками, которыми насыщен веб-текст. Таковыми могут быть и гиперссылки на отдельные фрагменты внутри этого же текста, и сам текст, фрагменты которого распределяются между гиперокнами как параллельно, так и последовательно. Завершенность интернет-текста зависит от всего гиперссылочного аппарата, который ограничивает бесконечные переходы по ссылкам, а его цельность — от степени сплетенности всех гиперссылок в единую ткань и от мультимедиако́н­тента. Выбор смыслового кодификатора определяется характером того компонента информации, который кодируется.

Пересмотреть традиционное понимание границ текста нас заставляет и такое явление, как интерактивность. В Интернете текст не заканчивается с последним словом, написанным автором. К его созданию подключаются все, кто хотел бы его обсудить, дополнить, прокомментировать. Эти «соавторы» создают добавочный и вместе с тем содержательно значимый контент, который становится неотъемлемым продолжением базового сообщения. Таким образом, информационное содержание формируется и вербально, и невербально, репрезентуется через словесный, визуальный и аудиальный компоненты. Так возникает новый формат текста — мультимедийный, поликодовый и интерактивный, текстовая конструкция становится пластичной за счет постоянно прибывающих комментариев, добавлений, ссылок на другие СМИ и видеохостинги и т.д.

⁹ См., например, обсуждение поста пользователя @anatoliisharii в «Твиттере»: «Зеленский ввел санкции против российских новостных изданий Газета.ру и Лента.ру, «Массандры» и белорусской косметической компании. Ни астанавливайко!» // <https://twitter.com/anatoliisharii/status/1374458173562572803>

Сближаются и механизмы порождения и восприятия устной и письменной речи. На смену антиномии устной и письменной форм языка пришла новая ситуация, в которой, по словам В.Г. Костомарова, дисплей облагораживает разговорность письменной фиксации в звуковой, печатной и даже в изобразительно-звуковой форме, примиряет борьбу этих двух разновидностей языка¹⁰. При письменном общении в Интернете отсутствует время для обдумывания сообщения. В коммуникативной онлайн-среде письменная речь становится спонтанной, одноразовой, индивидуальной. Такое явление получило двойственное название «устно-письменная речь» и даже может привести к пересмотру норм русского языка. Как пишет В.Г. Костомаров, освобожденная от жесткой привязки только к звучащей форме не книжность начнет генеральное наступление на привычное нормализаторство¹¹. Сегодня мы переходим от активного внедрения визуальных компонентов в вербальные тексты к их структурно выстроенному сочетанию, позволяющему комбинировать поликодовые и мультимедийные текстовые конструкции, например лонгриды или мультимедийные истории в качестве цифровой публицистики. Для новых жанров письменно-разговорной сетевой речи характерны многообразные чередования или смешения, взаимопроникновения элементов книжной и разговорной разновидностей речи¹².

В Интернете, несмотря на письменную форму фиксации речи, сохраняются все предпосылки говорения: коммуникативно-речевая ситуация, которая служит стимулом говорения; цель сообщения, коммуникативная направленность взаимодействия, наличие знаний о содержании и компонентах коммуникативно-речевой ситуации, об объеме речевого произведения; отношение к собеседнику, понимание его настроения, чувств, системы взглядов; знание его потребностей

¹⁰ Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие нормы // Мир русского слова. 2012. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-tekushego-momenta-ponyatie-normy>

¹¹ Там же.

¹² Пример такого смешения см.: Макарова Н. Шутка европейского соседа задела Украину за больное место // Деловая газета «Взгляд». 4 марта 2021 г. // <https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/world/2021/3/4/1087894.html>

в общении, наличие средств выражения своих мыслей и чувств, средств выражения своей позиции и реализации речевого действия (речевое умение и составляющие его навыки) и т.д. Такая коммуникативная ситуация носит ярко выраженный договорный характер, предполагающий необходимость условиться о единообразном использовании вербальных и невербальных средств выражения коммуникативного намерения, таких как различные иконки, значки, в том числе эмоджи, аббревиатуры, системы сокращений и т.д. Конвенциональность становится устойчивым признаком сетевого дискурса.

Открытые диалоговые формы интернет-коммуникации уступают место монологам, ориентированным на различные виды обратной связи, в которых диалоговость присутствует имплицитно. Ведущим форматом общения и самовыражения в многочисленных мессенджерах и социальных сетях становится самостоятельное короткое, связное, законченное высказывание с определенными коммуникативными и при этом многовекторными (т.е. направленными одновременно и на воздействие на собеседника, и на самопрезентацию, и на удовлетворение требований рекламодателей) намерениями. Такие высказывания становятся более четкими, ясными и развернутыми, превращаются в маленькую историю, мини-нарратив. Они могут быть сугубо информационными или, например, побуждающими к каким-либо действиям или размышлениям, но обязательно должны быть привлекательными, легкими для восприятия¹³.

Одна из особенностей современной виртуальной русскоязычной коммуникации — это неадекватное восприятие передаваемой информации. Сообщение, транслируемое отправителем получателю, преодолевает на своем виртуальном пути разнообразные барьеры, среди которых сегодня наиболее серьезным становится стремление веб-коммуникантов к речевому доминированию. В результате сообщение может нанести получателю вред, быть принято не полностью,

в искаженном виде или не принято вовсе. Например, в искаженной интерпретации может быть воспринят следующий заголовок: «Минкульт захотел вернуть алкоголь во все учреждения культуры».

Последнее десятилетие показало, что праздное интернет-общение занимает у пользователей все меньше времени, а стремление разрешить в процессе онлайн-коммуникации конкретные проблемы, наоборот, возрастает. Прагматизация и коммерциализация общения также влияют на виртуальный русскоязычный контент. Межличностная коммуникация в русскоязычной Сети остается, но постепенно перерастает в публичную с целью привлечь к своим высказываниям не только широкую аудиторию, но и рекламодателей.

Игровой эффект, ранее в большей или меньшей степени проявлявшийся во всех жанрах как сопутствующая экспрессивно-эмоциональная окраска смысла высказывания, теперь становится едва ли не запрещенным приемом в связи с особенностями *SEO*-продвижения и борьбой против так называемого кликбейта. Задача привлечь внимание аудитории каким-либо образным выразительным заголовком всегда стояла перед производителями медийных текстов. Использование при этом фраз, не имеющих отношения к содержанию текста или вырванных из контекста, в Глобальной сети получило название «кликбейт» — речь идет о заголовочной строке, целью которой является получение дохода (от перехода пользователя по ссылке) в ущерб качеству или точности информации¹⁴.

Заголовок как специальная операция называния, или номинирования, встречается нам в самых разных жизненных ситуациях. Заголовок сетевого медиатекста как концентратор смыслов имеет особую значимость. От точности вербальной конструкции зависит качество реакции того, кому направлено сообщение. Поэтому именно с заголовка начинается освоение текста онлайн-СМИ.

Дефиниция понятия «заголовок», приводимая в любом учебном пособии для журна-

¹³ См., например: Эксперты оценили отмену Путиным детских пособий в 50 рублей // РБК. 26 ноября 2019 г. // https://www.rbc.ru/society/26/11/2019/5ddd72249a79476554937d6f?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

¹⁴ См., например: *Талавринов М.* Деньги из воздуха: «Аэрофлот» предложил брать плату за регистрацию на рейс в аэропортах // Известия. 5 марта 2021 г. // <https://iz.ru/1132749/maksim-talavrinov/dengi-iz-vozdukh-aeroflot-predlozhit-brat-platu-za-registraciiu-na-reis-v-aeroportakh>

листов, остается, пожалуй, наиболее устойчивой структурой даже в сегодняшних условиях интенсивных трансформаций в стилистике массмедиа-пространства, журналистского дискурса и развития интернет-СМИ. Заголовок — это важнейший, если не главный компонент публикации, в котором соединяются тема, идея и проблема, облеченные в форму привлекательного, интригующего и одновременно информирующего, короткого, но очень емкого слова/словосочетания/предложения. Заголовок — это флажок, сигнал, маячок, якорь, которым текст цепляет внимание клиента. Именно в этой функциональной составляющей заключается воздействие, которое определяет интонацию и восприятие всего текста¹⁵.

В Интернете на заголовок ложится особая содержательная и структурная нагрузка в связи с гипертекстовостью сетевых СМИ и большим и постоянным потоком журналистских публикаций. В настоящее время сформировались огромные по объему размещаемого контента, коммуникативно направленные платформы, такие как *YouTube*, «Инстаграм», «Телеграм», основой функционирования которых является жанр новостей в онлайн-формате. В последнее время, как мы уже отмечали, в коммуникативных намерениях стало преобладать стремление не обсудить, а именно сообщить информацию, не посоветоваться, а показать свое преимущество, превосходство в какой-либо области знания, от кулинарии до политики. По этой причине сегодня все сильнее распространяются языковые структуры убеждения: специально выделенные конструкции, пропуск или предъявление глаголов мнения и в особенности — игра с лексической многозначностью, стилистической тональностью речи, а также намеренная реализация речевой агрессии. В текстах онлайн-СМИ усиливается значимость лексем с лингвокультурной коннотацией, так как они становятся не просто маркерами культуры, но уже проводниками общественно-политических смыслов, искажение которых ведет к искажению содержания журналистского текста,

сообщающего массовой интернет-аудитории общественно значимую, актуальную информацию. Такое искажение, в свою очередь, можно назвать нарушением права на информацию, а следовательно, и информационной безопасности.

Информационная безопасность — понятие не новое, но актуализировалось его употребление только в последние 15—20 лет в связи с тем, что Сеть, в силу ее технологических характеристик и возможностей по сбору и распространению информации, породила качественно новые угрозы именно информационного характера.

Под информационной безопасностью зачастую понимается сохранность информационных ресурсов как важнейшее условие успешного развития любого предприятия, от малого бизнеса до целого государства. С лингвистической же точки зрения гораздо острее стоит вопрос охраны массовой аудитории от некачественной, недобросовестной, искаженной или заведомо лживой информации, распространение которой стало намного быстрее, легче и эффективнее благодаря непрерывному совершенствованию интернет-технологий. Именно эту лингвистическую сторону информационной безопасности можно отнести к ключевым факторам сетевого общения, поскольку, например, любые проявления речевой агрессии или лингвистического экстремизма мгновенно распространяются в Сети и тем самым кратно усиливают свое воздействие на аудиторию.

В этом свете привлекает внимание такая задача, как оценка оскорбительности текста. Оскорбительным, в сущности, может быть признано все что угодно, даже орфоэпическая ошибка, которая отвлекла адресата сообщения от восприятия и осмысления его содержания. Некогда возникший в Интернете «язык падонкаф» довольно быстро вышел из активного употребления, оставив в онлайн-лексиконе лишь несколько наиболее популярных метафоричных устоявшихся выражений («афтаржжот» и др.), однако общая тенденция к ожесточению языкового общения в Сети сохраняется. На некоторых коммуникативных интернет-ресурсах, в том числе популярных среди молодежи, возник-

¹⁵ См., например: Рыбин А., Макарова Н. Кто зарабатывает на «группах смерти» в Рунете // Деловая газета «Взгляд». 5 марта 2021 г. // https://vz.ru/society/2021/3/5/1087968.html?utm_campaign=vz&utm_medium=referral&utm_source=push

ла мода на хамство, грубость и оскорбления в диалогах¹⁶.

«Негативная оценка» — это весьма широкое понятие, несмотря на то что в словарях имеются специальные пометы, указывающие на уничтожение, неодобрение, оскорбление. Оценочность — тоже сложная категория. Конечно, далеко не все слова с негативной коннотацией являются оскорблениями или входят в так называемый язык вражды. Ведь язык вражды или оскорбления имеют четкое коммуникативное намерение, а заложенные в них смыслы не всегда соответствуют действительности. Кроме того, для каждой страны характерны свои выражения и фразы, относящиеся к языку вражды, столь же непохожие друг на друга, как и сами языки этих стран.

Сегодня одним из самых ярких примеров языка вражды в Интернете стали речевые нападки на представителей различных национальностей или религий, перенос негативных качеств отдельных представителей группы на всех ее участников¹⁷.

Различия в языке вражды связаны прежде всего с особенностями национального менталитета и культуры, спецификой языковой картины мира, языковой личности и стереотипизированных представлений этой личности о других народах и религиях. Неслучайно, знакомясь с культурой той или иной страны, мы внимательно изучаем стилистику словопотребления, образную палитру языка, а также этикетные формулы, правила речевого поведения, принятые именно в этой стране. Тем не менее при всех различиях в словопотреблении сами коммуникативные намерения в применении языка вражды в Интернете во всех странах схожи: сформировать негативное общественное мнение, вызвать агрессию, создать напряжение в обществе, внедрить в общественное сознание недостоверные сведения о мнимом превосходстве одного народа или, например, конфессии перед другим (другой).

В СМИ проблемы смыслопрезентации связаны с, казалось бы, благим желанием

журналистов сказать по-новому, оригинально, красиво. Но в погоне за красотой теряется очень многое: и достоверность, и информативность, и смысл всей публикации. Прямых оскорблений журналисты не допускают, но в СМИ часто встречаются неудачные высказывания, обусловленные низкой культурой речи. Из-за этого расплывается информационная четкость¹⁸. Чаще всего журналисту, допустившему двусмысленность, приходится дополнительно разъяснять, что именно он хотел сказать.

Для массовой аудитории информационная безопасность связана прежде всего с теми проблемами, которые сейчас характеризуют язык и стиль СМИ. В целом их можно разделить на четыре группы: (1) низкая культура речи (ненамеренные языковые аномалии), которая затрудняет понимание получаемого высказывания, а также формирование ответного отклика, (2) различные намеренные языковые аномалии, ведущие к коммуникативным неудачам (неграмотное использование приемов языковой игры, метафор, «чужого слова» и логоэпистемизации, эзопова языка, ксенолексики и др.), (3) агрессивное речевое поведение, которое проявляется в обильном использовании инвективной лексики, и (4) лингвистический экстремизм, т.е. прямые нарушения законодательства РФ, выраженные в языковой форме.

Сетевые СМИ применяют и так называемую мягкую цензуру — вытеснение одной новости другой, которое становится эффективным методом реализации информационной политики. Так, интернет-СМИ, обладая неисчерпаемыми возможностями для обеспечения информационной безопасности, вместо этого фактически создают реальные информационные угрозы государству, обществу и личности. Социальные сети, хотя и не являются СМИ сами по себе, также оказывают огромное влияние на массовую интернет-аудиторию. К тому же большинство печатных и электронных СМИ имеют свои группы или публичные страницы в социаль-

¹⁶ См., например, комментарий одного из пользователей под упомянутым ранее постом @anatoliisharii: <https://twitter.com/TZL5causoAFq4vA/status/1374458476995301380>

¹⁷ См., например, название и обсуждения в одной из националистических групп в сети «ВКонтакте»: <https://vk.com/club3060135>

¹⁸ См., например: Президент РАО предложила исключить «Войну и мир» из школьной программы // РИА Новости. 30 сентября 2016 г. // <https://ria.ru/20160930/1478229027.html>

ных сетях, где дублируют новости, а также взаимодействуют со своими читателями.

Итак, эффективность русскоязычного сетевого медиатекста определяется его способностью успешно противостоять внешним угрозам и защищать содержание передаваемого сообщения от двусмысленного толкования, а человека — от воздействия конфликтных языковых дефиниций. Не менее важно удостовериться в том, что воспроизведение, осмысление, восприятие текста не нанесет вреда его получателю или отправителю (в сетевом медиaprостранстве таким отправителем может быть автор или персона, осуществляющая так называемый репостинг, т.е. распространение полученного текста в соцсетях и мессенджерах). Особое внимание должно быть уделено заголовкам сетевых медиатекстов, которые в Интернете выполняют сразу две функции — привлечение внимания и оптимизация поиска информации. Заголовки не должны быть двусмысленными и непонятными. Текст должен стремиться к безопасности, хотя и не может стать абсолютно безопасным, так как его замысел, формирование, воспроизведение и восприятие всегда обусловлены бесконечным множеством интерпретаций и толкований, зависящих от немалого количества факторов, изучаемых герменевтикой (наукой о смысле и его интерпретации).

В качестве ориентиров для выявления спорных лингвистических моментов можно предложить использовать основополагающие принципы безопасности в целом: системность, деструкция, снижение опасности и ее ликвидация.

Так, принцип системности состоит в том, что любой компонент текста рассматривается как элемент системы. Принцип деструкции (разрушения) заключается в том, что текст как система, приводящая к опасному результату, может быть разрушен за счет исключения

из него одного или нескольких элементов. Принцип снижения опасности, очевидно, направлен на использование решений, повышающих безопасность. Принцип ликвидации опасности реализуется в устранении опасных и вредных факторов — например, посредством изменения технологии формирования текста, трансформации замысла, замены опасных языковых единиц безопасными, применения более безопасных речевых конструкций. Точность словоупотребления приобретает в данном случае крайне важное значение. Соблюдение данных принципов может обеспечить соблюдение права на информацию лингвистическими средствами.

Пристатейный библиографический список

1. *Добросклонская Т.Г.* Методы анализа видео-вербальных текстов // Медиалингвистика. 2016. № 2. С. 13—25. URL: <https://medialing.ru/metody-analiza-video-verbalnyh-tekstov/> (дата обращения: 10.05.2021).
2. *Копылов В.А.* О теоретических проблемах становления информационного права // Информационные ресурсы России. 1998. № 3. С. 15—21.
3. *Костомаров В.Г.* Язык текущего момента: понятие нормы // Мир русского слова. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-tekushego-momenta-ponyatie-normy> (дата обращения: 10.05.2021).
4. *Трофимова Г.Н., Барабаш В.В.* Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакommunikации): монография. М.: РУДН, 2020. 270 с.
5. *Умнова (Конюхова) И.А.* Информационное право как отрасль права нового поколения: ответ на технократизацию // Государство и право в новой информационной реальности: сборник научных трудов / отв. ред. Е.В. Алферова, Д.А. Ловцов. М., 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-pravo-kak-otrasl-prava-novogo-pokoleniya-otvet-na-tehnokratizatsiyu> (дата обращения: 10.05.2021).
6. Юрислингвистика-9: истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. Кемерово; Барнаул, 2008 // <https://cyberleninka.ru/article/n/yurisingvistika-9-istina-v-yazyke-i-prave-mezhvuzovskiy-sbornik-nauchnyh-trudov-pod-red-n-d-goleva-rets-v-g-naumova/viewer>
7. *Dijk T. van.* Ideology: multidisciplinary approach. London: Sage, 1998. 352 p.